

Такие звериные гривы у людей встречаются редко – густая, не продерешь никаким гребнем, в кудряшку, мелким бесом, с проседью. Такой рыкающий бас должен был достаться ушкуйнику... с кистенем... И эти могучие чресла мало соответствовали смиренному православному сану, но вот таким и был отец Александр. Откуда он взялся в храме Успения Божьей Матери – прихожане не знали, поговаривали, что батюшка сей – не из семинаристов, а из мирских, хлебнул он жизни моряцкой, похаживал с геологами, а потом, после какого-то жизненного потрясения, пришел к Богу. Когда он пел: «Да исправится молитва моя... Жертва вечерняя...» – тоненькие огоньки сиротских свечек подрагивали, серебряная церковная утварь позвякивала. В храме Успения Божьей Матери если что и было от православных корней – так эта утварь, один старый крест и медный колокол, вздернутый перед церковными дверями на деревянную шарагу – колоколенки-то не было. Один купол самодельный... Не было пока и самого храма – власти для отправления религиозных нужд отдали приходу старый Дом культуры. Сняли Ленина, внесли

Христа, помахали кадиллом и заехали нестройно, но истово.

Настоятелем храма, местным епископом был владыка Феофантий – с бородачкой набок, щедушный, умный монах (поговаривали, и правда, девственник). К отцу Александру прихожане потянулись сразу. Сперва – предпенсионного возраста интеллигентные прихожанки – уже отгулявшие свое, отгрешившие, потом – народ всякий... И последними, присмотревшись, пришли казаки.

Сперва-то по мелочи: «Благослови, батюшка, оружие». Десятка два кавалерийских шашек, артиллерийских палашей, фехтовальных эспадронов, парадных нена точенных побрякушек, просто – самоделок и даже турецких ятаганов и японских штык-ножей – все это с кощунственным лязгом и скрежетом было обнажено перед алтарем.

Понятное дело, казачков из храма отец Александр погнал, оружие освятил в одной из старых казарм десантного полка, отданной новоиспеченному казачеству под штаб. Есаулы и сотники, хорунжие и рядовые – они казаковали в свободное от службы и работы время, искали себе применение, соби-

рали силу. Власти их не трогали, заигрывали осторожно, но больше смотрели как на ряженных, приглашали: то – в почетный караул, то – в президиум, то – детишек на лошадках покатасть.

Однажды местный мэр Мерилов сказал атаману Сапрыкину, улыбаясь не то одобрительно, не то насмешливо: «Службы ищите, казачки? А вы наведите порядок на рынке!»

Развеселые ряды городского рынка раскинулись прямо под окнами городской мэрии, сразу за уцелевшим памятником Ленину. Гортанные выкрики кавказцев, мяукающий говорок корейцев, привычный русский мат долетали до окон бывших партийных кабинетов, тревожили. Порядок на рынке, собственно, существовал. Спортивные ребята с короткими стрижками собирали по вечерам дань, мгновенно и беспощадно гасили любой конфликт, сами назначали цены на товары. И «навести порядок» на рынке значило одно – переподчинить рынок мэрии. «Я казацкой кровью эту грязь поливать не буду», – сказал тогда несколько театрально атаман Сапрыкин и удалился.

И вот в это время к казачкам пришел отец Александр.

– Некрещеного народу много народилось, неприкаянного, – сказал он. – Пойдем, казачки, погуляем, дело Божеское сотворим.

План был хорош – пройти на плотках и резиновых лодках по главной реке Ламутии маршрутом казаков-землепроходцев да по пути народ окрестить. И все вначале, как водится, вдохновились – решили обмыть начинание. Попил, не чинясь – по полстакана, отмахиваясь широким крестом от самогонной нечисти. Казачки

разыгрывали смирение, заговаривали о Боге, намекали на сотрудничество. Сперва – крестить народ походным приемом, а потом и вообще задружить надолго.

Экспедицию решили не откладывать и отчаливать уже через два дня. Отец Александр пришел на берег реки в энцефалитке, болотных сапогах, с толково уложенным рюкзаком, сел на корму, перекрестился, сказал: «С Богом!» – и двумя сильными гребками вывел лодчонку на прибрежную стремнину.

Еще с десяток лодок под казацкими хоругвями, императорскими самопальными штандартами, Андреевскими стягами и знаменами военно-воздушных сил СССР – все это тронулось за ним следом.

Деревушки вдоль реки были одинаково скудные, подремывающие, выжидающие чего-то. Но народ шел, крещение принимали дружно, отец Александр в раззолоченной рясе служил спокойно и вдумчиво, поливал склоненные головы речной водицей, пахнувшей ледниками недалеких гор, давал целовать крест. На жалобы деревенских: мрем, мол, – ответил просто:

– В Бога веруйте да погост в порядок приведите.

– А то что?

– Передохнете все.

Атаман Сапрыкин успевал за это время переговорить, с местными мужичками – кого-то посватать в казаки, с кем-то договориться об охране нерестилищ и заповедника, успевал узнать про дела фермерские, тут же наладить небольшую коммерцию.

Так и плыли. Почти семьсот километров и по полторы крещенные души на каждый километр, как подсчитал атаман Сапрыкин.

По ночам у костра атаман Сапрыкин заводил с отцом Александром душевные разговоры.

– Я уважаю Христа, – говорил атаман, поглаживая тонкие калмыцкие усики. – Много знал, много сам умел, людей за собой вел... Атаман был! Ну, в смысле есть... А вот Бог-отец, прости мою душу грешную, какой-то нервный мушшина. Ну, неправильно себя повели граждане, проживающие в городах Содом и Гоморра, так он их с лица земли стер. А потом и совсем на людишек потоп напустил, стихийное бедствие. Ты же – Отец! Ты же умнее должен быть! Терпеж иметь! Вот я – отец. Породил троих казачат. И вот – начни они у меня шкодить... Так что я их – в ведре помойном топить должен? Ну, выпорю... Объясню потом – за что выпорол. А топить... Нет.

– Каша у тебя в голове, атаман. Гречневая, – говорил отец Александр, помешивая в котелке. – Читай Священное Писание до тех пор, покуда не поумнеешь.

Атаман посмеивался, довольный:

– Нам, казачкам, в Бога верить положено по традиции, нас сейчас всерьез не воспринимают. Маскарад, мол, устроили. В церковь заходим – не знаем, с какого места креститься начать! Это ничего, обвыкнем. Ты нас учи, отец Александр.

– Искренне ваше желание – учиться?

– Надо. Пока время есть. Казак – это свобода, воля. Много свободы – плохо. Разбалуются казачки, уничтожат их...

– Как в Содоме и Гоморре... Верно, атаман?

– Святая правда, отец Александр.

– А сейчас вас не могут уничтожить?

– За ненадобностью? Нет, приглядываться будут. Оставят. На всякий случай. Землю пахать будем, плеточками помахивать... Деньги у нас уже появились. Много денег будет – много силы. Тогда нас голыми руками не возьмешь.

Еловой палочкой трогал угольки в костре отец Александр, дышать им давал, а сам думал о том, что человек к Богу приходит тремя путями. Одни – по традиции ходили в церковь всей семьей, и деда ходили, и весь род крещеный. Вот и прижилась душа в храме. Другие – от беды, от потрясения, от безнадеги нашей. Третьи – от великого ума, как Менделеев, Эйнштейн – они Бога, как планету Нептун, на кончике пера сперва вычислили, а потом уж уверовали. А вот атаман Сапрыкин – от всего понемножку? Не дурак, про Бога-отца, про Космос рассуждает... Потрясений у атамана тоже хватало – через Афган, Чечню прошел атаман... В Приднестровье был.

– А что, атаман, ты тут Бога-отца за Содом и Гоморру осуждал, а я тут краем уха слышал, как ты казачкам рассказывал о казни. В Приднестровье... казачки ваши... снайпера...

– Снайпершу. Сука, прости Господи... Лет восемнадцать... Откуда-то из Прибалтики. Чемпионка по стрельбе, весь приклад в зарубинах – наши жизни считала. Их там называли «белые чулки». Говорят, платили хорошо за нашу кровь.

– Казнили?

– Ага. Два дерева согнули, за ножки стройные привязали... кишки петлями... Я три дня куска в рот взять не мог, спирт жрал, рукавом занюхивал.

– Вот когда ты казнил...

– Не я это. Видел только. А разве неправильно? Сказано же: «Око за око».

Вот так они и спорили. А под конец экспедиции все чаще намекал атаман отцу Александру – стать казацким попом. Не то, чтобы служить пойти, а чтобы только у него одного казачки все требы справляли. К другому-то и не пойдут казачки... А ведь надо! Как без Бога-то?

И стал появляться отец Александр и на казацком круге, и дома у атамана, на дальних охотничьих заимках, в русской бане с парком свирепым. Сперва катался на стареньком казацком «Джипе-Чероки», а потом ему всем миром «Тойоту» поновее справили.

Станичники своему казацкому попу радовались, а тут еще их и Президент народом назвал, Указом узаконил.

Нравилось казачкам и то, что ведет себя отец Александр попросту, по-свойски.

Был он вдов, пришло время, и присмотрел себе молодую бабенку, будущую матушку. Казаки это одобрили: «А что, это у православных позволяется...» Ночь-за полночь заруливал к ней отец Александр – казачья жизнь расписания не знает – поэтому и застал однажды с обнаглевшим от страха мужичком.

– Если у вас любовь, дети мои, так я и повенчать могу, – сказал отец Александр. – А если блуд... – и показал тяжелый волосатый кулак, пахнувший благовониями.

«Да я... да ты...» – полез на него хилой грудью мужичок и тут же получил свою толику смирения от хлесткого по-матросски удара в зубы. А батюшка забрал вещички и вернулся на свою квартиру – бобылем доживать.

История эта наделала много шума в городишке, который и спал-то, похоже, под одним одеялом. Владыка Феофантий, епископ, гневно блестя очёчками, сжимая в кулаке свою жидкую, мягонькую бороденку, грозился отлучить от церкви, жаловаться в Синод, написать статью в газету. Но тут пришел атаман Сапрыкин, коленопреклоненно помолился, поцеловал епископу ручку, попросил смиренно принять на храм пожертвование от казачков. Слабая рука владыки Феофантия дрогнула от увесистого пакета с деньгами, но он все же сказал – тихо и упрямо:

– Не подобает православному священнику...

– Ваше высокопреосвященство! – так же тихо возразил атаман. – Вы, как монах и девственник, сможете понять – я уверен! – что плоть иногда бывает сильнее духа. Будем молиться за него.

Перед Пасхой, дня за два, атаман Сапрыкин, перетянутый ремнями, поблескивая латунными вензелями на погонах, возник перед отцом Александром.

– Хотим праздник для народа устроить, отец Александр, – сказал он, помявшись. – Детишкам – бесплатное угощение, концерт небольшой, на лошадках покатаем.

– Дело Божеское, – согласился казацкий поп. – Где намерены все это мероприятие провести?

– На площади, больше у нас негде. Разрешение у властей я уже получил.

– То есть – рядом с храмом?

– Не совсем. Ближе к почте.

– Дерзайте, дети мои.

– Там у нас в программе есть еще парашютные прыжки. Полковник Терехов дает на два часа вертолет, уже поставлен в план

полетов... Десантура поможет с парашютами.

– За крест над храмом своими куполами не зацепитесь?

– Шутите, отец Александр... У меня все профессионалы, в затыжном прыжке водку из горла пьют.

– Ну-ну...

– Благословение бы получить перед прыжками...

– Приходите.

– Мы хотели вас попросить это сделать в воздухе, в вертолете то есть. Понимаете, будет телеоператор с областного телевидения, это он просил, ему нужны эффектные кадры. Что ж, нам, казакам, нужно почаще напоминать о себе. Да и вам тоже.

Владыко Феофантий, узнав о затее казачков, возмутился:

– Игры бесовские! Аки ангелы возжелали с неба слететь! Не позволю!

– Я не могу отказать прихожанам в тебе! – твердо сказал отец Александр, глядя на епископа сверху вниз.

– Кто ты есть? Неуч! – ехидно сказал епископ Феофантий, сцепив пальцы на круглом молодом животике.

– Я людей крещу, – тихо возразил отец Александр... Тысячи уже окрестил, погосты по всем деревням освятил...

– Окормляться-то от этого мы лучше не стали! Бесплатно тебе творишь!

– Казаки храму деньги жертвуют. И будут жертвовать.

– За грехи твои!

– За дела мои... – поссорились они тогда безнадежно.

На задворках военного аэродрома, куда привезли отца Александра, рядом с острокрылыми стратегическими бомбардировщиками, стоял вертолет с латаными

пробоинами на фюзеляже, и по борту, в пять рядов звезды – боевые вылеты.

Полковник Терехов, коротко козырнув атаману, сказал негромко:

– Благословите, отец Александр! – неловко ткнулся холодным носом в руку священнику, потом добавил со смешком. – Мне сейчас военком звонил. Ему из окна кабинета видно, как ваш непосредственный начальник, епископ Феофантий на площади молится. Стало интересно – почему на площади? Что у Бога просит? Послал дежурного выяснить. А владыко Феофантий, знаете, просит господа не допустить поругания храма. Да так аргументировано просит: мол, не дай ты им, Господи, лётной погоды, нарушь механизмы вертолётные и муфту сцепления...

– Господь ему судья, – сухо ответил отец Александр.

– Бог-то – Бог... – пробормотал полковник. – Ладно... Прогноз – отличный, видимость – миллион на миллион, ветер – три метра в секунду, вертолёт в отличном состоянии. Готовы, господин атаман?

– Так точно, господин полковник.

– Товарищ полковник... Через десять минут – колеса в воздухе. Выполняйте!

– Есть.

Здрав хвост, сотрясая грохотом бетонку, вертолет оторвался от земли, круто потянул к облакам. Казачки – в форме, при регаллах – тесно сидели вдоль бортов, и парашюты горбатили их. Отец Александр, уверенно ступая по кренящемуся, вибрирующему полу подходил к каждому, благословлял, давал целовать крест.

Молоденький телеоператор крутился рядом, заглядывал в лицо холодным выпуклым гла-

зом телекамеры. Накренившись в боевом развороте, вертолет начал нарезать круги над городом, атаман Сапрыкин, рывком сдвинув дверь, смотрел вниз, хищно прищурившись.

Наконец, он откачнулся от обреза двери, освободив, впустил в салон ревущую, свистящую, бьющую тугим ветром пустоту, эту прорву, прокричал:

– Первая тройка! Встать! Готов? Пошел!! – и трое казачков быстро и ловко попрыгали вниз, распластавшись в воздухе.

Отец Александр еще раз перекрестил их в спины, глянул в блистер – летят, родимые, парят.

– Готов? Пошел!! – и еще трое привычно вышли из вертолета. После каждого прыжка вертолет слегка подрывало вверх, и пилоты мягко осаживали его.

– У меня тут трое перворазников, новичков то есть, – прокричал на ухо отцу Александру атаман. – Волнуются ребята...

Взрослые, уже с проседью мужики показались священнику бледными, испуганными, они явно чувствовали себя неловко, стянутые ремнями основного парашюта и «запаски». После каждого прыжка один из них – бородатый, с рваным шрамом на щеке казак – обводил глазами оставшихся, словно подсчитывая, когда его очередь. Ему и выпало прыгать последним. Короткими шажками он подобрался к разверзнутой двери, сделал падающее движение вперед и вдруг вцепился скрюченными пальцами за какие-то кронштейны, вертолётные ребра. Атаман Сапрыкин быстро и виновато оглянулся на священника, угрожающе помахал кулаком перед носом телеоператора: «Не смей снимать!»

– и начал отдирать побледневшие пальцы мужика от металла. Мотая головой, пятясь, мужик начал садиться прямо на пол. Сапрыкин, пытаясь его удержать, сам оскользнулся и упал на колени. Два человека, упакованные в парашюты, боролись внутри вертолета, в двух шагах от засасывающей, притягивающей пустоты.

– Отказник... твою мать! – услышал отец Александр бешеный крик атамана. – Встать!

Пилоты, косясь через плечо на возню в салоне, развернули вертолет еще на один круг.

– Встать!! – орал Сапрыкин, дергая мужика за шиворот. – Что ты делаешь?! Забыл, что на круге решили? Отказникам – плеть! Выпорют ведь, старого дурака по голой жопе... из казачества выгонят... хрен ты тогда землю получишь... Встать!!

Голова у мужика вяло болталась, и атаман вlepил ему пару хлестких затрещин.

– Эй, командир! – проорал из кабины пилот. – Возвращаться будем?

«Друг, зайди еще на один разворот!» – показал ему жестами атаман.

Отец Александр, скорбя, подсел к струсившему казачку, с другой стороны, толкаясь парашютом, упал на одно колено атаман Сапрыкин.

– Васёк... Господин подхорунжий... – начал торопливо говорить старому казачку атаман, оглядываясь на пилотов. – Нельзя нам сейчас казаков позорить. Надо прыгнуть, Вася... Ты Афган прошел, Чечню, ты мужик смелый, ты сможешь!

– Там – не убили, здесь – не хочу! – лязгая зубами, вдруг проорал казак.

– Ты же знаешь – все надежно... я сам твой парашют укладывал... первый раз всем страшновато... девчонки прыгают... дети прыгают... я сам с тобой прыгну...

– Тебе-то – что? Как два пальца... ты водку в воздухе пьешь...

– Вот он с тобой прыгнет! – быстро сказал атаман. – Прыгнешь, отец Александр?!

В глазах казака появилось осмысленное выражение.

– Отец Александр тоже будет прыгать первый раз. Причем без подготовки... Бог вам поможет... – торопливо кричал атаман.

– Я, собственно, не имею права... В рясе... – начал отец Александр. – К тому же епископ наш, владыко Феофантий...

– Батюшка!! – яростно заорал атаман. – Души православные не токмо молитвой спасать можно! Говорю же – его выпорют принародно... нагайка-семихвостка... в каждом хвосте по винтовочной пуле зашито... выпорют и из казачества выгонят... Ни денег из казачьего банка, ни земли... Он сдохнет, это я точно знаю!

Глаза казачка начали снова тускнеть.

– Хорошо! – прокричал отец Александр. – Что я должен делать?

– Ничего! Сейчас я вам помогу надеть парашют. Он откроется сам, вот эта стропа выдернет купол. Нужно только выйти из вертолета... просто сделать шаг! Я буду спускаться рядом и крикну, что делать дальше, будет хорошо слышно. Всего один шаг, отец Александр!

Путаясь в рясе, отец Александр влез в лямки парашютного ранца. Атаман обряжал его – что-то застегивал, подтягивал, потом подтолкнул к двери: «Готов?!»

Земля, в серых квадратах городских кварталов, с речкой, по

которой бежало слепящее солнце и облака, птицы, летящие под ногами, – все это вдруг слегка накренилось, маня и поддразнивая, ветер туго хлестал в лицо, растрепывая бороду священника, выжимал слезы из глаз.

– Готов?! – снова он услышал голос атамана Сапрыкина. – Пошел!!

И последнее, что услышал отец Александр перед тем, как шагнуть в пустоту, был веселый крик пилота:

– Ну, Витёк, сукин сын, сейчас он и попа без всякой подготовки выбросит!..

А потом все звуки исчезли.

Сдавило дыхание, наперсный крест ударил вдруг по зубам, священника перевернуло в воздухе, дернуло, и, как во сне, медленно и бесшумно начал распускаться над головой светло-серый купол парашюта. Одновременно он видел, как уходит в вираже вертолет, уронив маленькую человеческую фигурку, и тут же – рывок, и наступила плывущая тишина, и охватило теплое и спокойное небо.

Подергав за натянутые веревки парашюта, отец Александр удивился их надежности, поглядел вниз – под носками его старых яловых сапог проплывал купол церкви... потом вспомнил про струсившего казачка, заоглядывался, – а он висел под куполом, совсем рядом, чуть выше, кричал или пел что-то сумасшедшее и веселое.

Снова с грохотом и присвистом прошел над головой вертолет, из чрева его чертом вывалился атаман Сапрыкин, камнем полетел вниз и совсем рядом, почти на том же уровне, где висел отец Александр, распаковался с хлопком и беззлобным матерочком.

Отец Александр засмеялся и крикнул:

– Эй!

– Все нормально, отец Александр! – тут же отозвался атаман. – Над головой у вас... посмотрите! Клеванты... две красные бобышки... палочки такие, на веревочках... потяните за правую... сильнее! Все! Вот так и идем! Сядем в скверике, на травку, ноги держите вместе... все!

Внезапно земля заторопилась, стала надвигаться все быстрее и быстрее, побежала куда-то вбок, отец Александр еще успел услышать крик:

– Священник на парашюте, ахти, господи!

Чей-то знакомый дискант прокричал:

– Ряженный!! – И на этот голос, накрывая его куполом, в крутом

развороте пошел атаман Сапрыкин.

И тут же отец Александр мгновенно увидел на земле отдельные травинки, и сразу же земля небольно ударила в ноги, и он упал не столько от неловкости, сколько от желания прижаться к ней – такой твердой и надежной.

Ветерок вздувал на половину погасший купол, перебирал стропы, трепал полы задравшейся рясы. Набегал от площади развеселившийся народ. Кто-то уже помогал отцу Александру расстегнуть парашютные замки, а ему все хотелось полежать еще минутку на траве, прижаться к ней бородой, вдохнуть запах – земляной, весенний, сочный.